

УДК 93;327.01

М.Ф. Ершов

Югра в Большой России: геополитические и исторические аспекты

Аннотация. В статье анализируется геополитическое положение Югры с древности до наших дней. Данная территория рассматривается автором не в качестве пассивного поля, на котором действуют внешние игроки, а как активный субъект региональных геополитических взаимоотношений. В статье также освещена роль Югры в генезисе государственности на территории Евразии. Показано положительное влияние Югры и прилегающих к ней территорий на социально-экономическое, военно-политическое и культурное развитие нашего Отечества на протяжении длительного исторического периода. Статья актуальна для сегодняшнего времени, в котором присутствует определенная напряженность в межэтнических отношениях. Она может быть полезной для государственных служащих, представителей гуманитарных дисциплин, преподавателей, учителей и краеведов Югры.

Ключевые слова: геополитика, древность, история, миграции, пространство, регион, Россия, Сибирь, Югра.

M.F. Ershov

Ugra in Great Russia: geopolitical and historical aspects

Summary. The article analyzes the geopolitical position of Ugra since ancient times to the present day. The author considers the area not as a passive field, where the external players operate, but as an active subject of regional geopolitical relations. The article also highlights the role of Ugra in the genesis of statehood on the territory of Eurasia. The work displays the positive effect of Ugra and adjacent to it areas on the socio-economic, politico-military and cultural development of our country during the long historical period. The article is relevant for the present time, where there is a certain tension in inter-ethnic relations. It may be useful for state employees, representatives of humanities, professors, teachers and local historians of Ugra.

Key words: geopolitics, antiquity, history, migrations, space, region, Russia, Siberia, Ugra.

Понятие «Югра» многозначно. Имеется несколько значений, которые мы в него вкладываем. Происхождение данного этнонима уже рассматривалось в трудах исследователей [1, 76-77]. Несомненно, что помимо юридических дефиниций (нынешний ХМАО – Югра является полноправным субъектом Российской Федерации в составе Тюменской области), имеется еще и более широкое понятие, включенное в исторический контекст. Вопрос, однако, усложняется тем, что в прошлом территориальные рамки данного пространства были изменчивы, «размыты», а полноценная государственность до «сибирского взятия» в конце XVI в. у обско-угорских и самодийских народов отсутствовала. Существование в древности

несовершенных потестарных структур (княжеств) и сравнительно недавнее создание округа (в 1930 г.) подспудно привносят в современное общественное сознание мифологему о некой неполноценности данной территории, расположенной в гетерогенном пространстве тюменской «матрешки».

Однако, прежде чем делать категоричные и однозначные выводы, необходима хотя бы предварительная историческая экспертиза. Что это за регион? Каковы были причины его возникновения на просторах Евразии? Каковы были основные элементы, связующие его с внешним миром? Что доминировало и доминирует в его отношениях с соседними территориальными массивами? Тезисное изложение предвари-

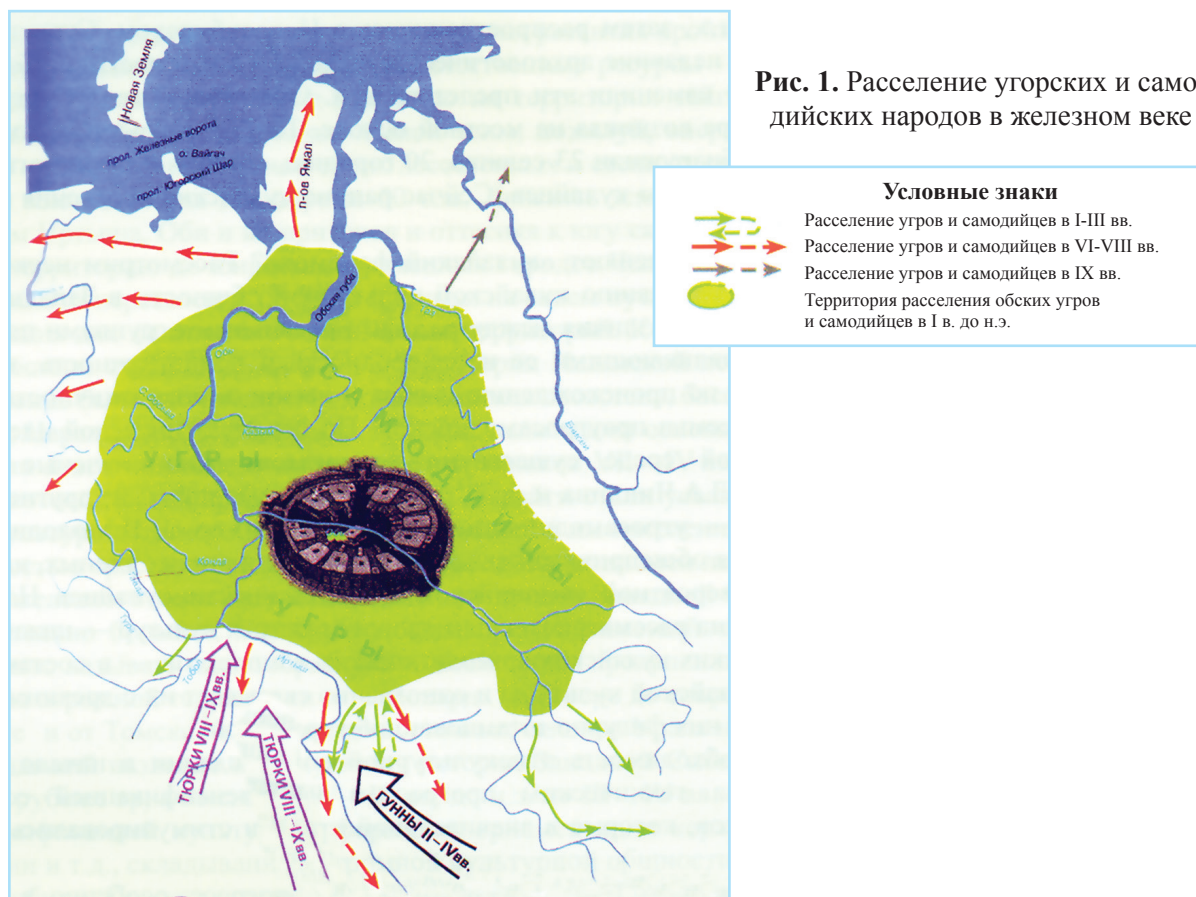
тельных ответов на данные вопросы и составляет содержание настоящей статьи.

Геополитическое положение Югры в древности желательно анализировать с учётом прошлых экономических реалий. Появление излишков в эпоху бронзы и переход к производящей экономике в раннем железном веке на юге Сибири привели к имущественной дифференциации внутри локальных сообществ. Неравенство дополнялось несовершенными способами хозяйствования на тех территориях, где господствовал изменчивый континентальный климат. Все это нередко ставило членов социума на грань жизни и смерти. Наличие постоянной угрозы экономического краха заставляло начать поиски выхода.

Смягчение внутренней социальной напряженности дружинная верхушка искала на пути внешней экспансии. Этому способствовала и неравномерность в социально-экономическом развитии между различными племенными и территориальными общностями. Так, на юге Великой

Степи кочевники соприкасались с земледельческими народами, располагавшими немалыми материальными благами. Получить их было возможно либо путем обмена (желательно не эквивалентного), либо через военные действия. Агрессивное отношение к соседям и поиск дефицитных ресурсов усиливали миграционные процессы.

Великая Степь была вынуждена постоянно «давить» на окружающие её территории. Это избыточное давление то усиливалось, то ослабевало, но окончательно не прекращалось никогда. На Востоке кочевые народы вступали в контакты с Китаем, нередко используя его в качестве донора. Усилившиеся или, наоборот, проигравшие общности устремлялись на Запад. Те миграционные толчки, которые создавались движущимися людскими массивами, ощущались даже территориально удаленным населением до Центральной Европы и берегов Северного Ледовитого океана включительно (рис. 1).

Там, где географическое пространство мешало перемещениям, создавались очаги повышенного демографического давления. Одним из таких очагов были горловина между Уральскими горами и Каспийским морем и Нижнее Поволжье. Тот, кто был способен контролировать данную территорию, оказывался в максимально выгодном, но достаточно опасном положении. Здесь было сосредоточие миграционных и торговых путей. Здесь была зона зарождения цивилизаций. Здесь Восток встречался с Западом, а Север с Югом. Дело в том, что суровая и одновременно хрупкая природа Севера не могла прокормить избыточное население, что провоцировало его миграции в южном направлении.

И, напротив, племена, вытесненные с выгодных мест проживания, нередко двигались на Север. Именно так на территории Обь-Иртышского междуречья появились самодийские, угорские, а затем и тюркские этносы. Исследователи неоднократно обращали внимание на наличие южных черт в культуре хантов и манси [2, 29-36]. В лесостепном Зауралье происходили встречи суровых охотников, выходцев с Севера, с кочевниками, пришедшими с Востока. Эти межэтнические контакты протекали по-разному. Так, например, по мнению Л.Н. Гумилева, племена гуннов, устремившиеся на Запад, не только вступили в Сибири в боевой союз с частью угорских племен, но и фактически стали

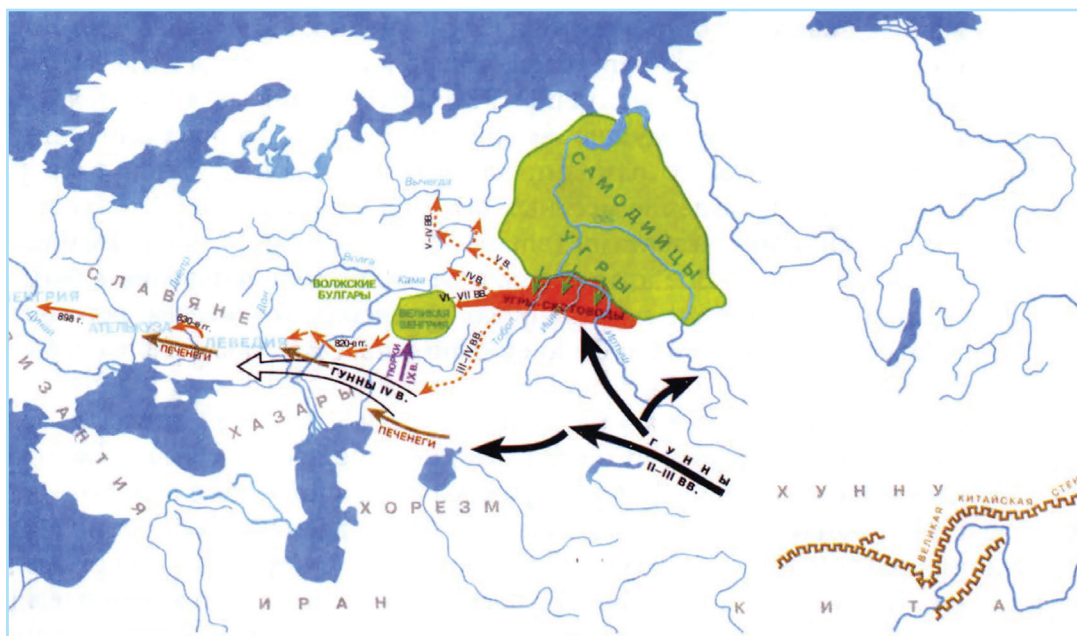

Рис. 2. Великое переселение народов в Северной Азии и Восточной Европе

новым этносом [3, 29]. И совместными силами обрушились на одряхлевшую Римскую империю (рис. 2). После гуннского нашествия лесостепная зона обезлюдела, чем вновь воспользовались угорские племена. Часть северян сместилась на юг, они освоили здесь скотоводство, создали свои первые протогосударственные структуры.

Несколько столетий угры достаточно благополучно проживали в лесостепной зоне возле Уральских гор. Следующий

миграционный толчок был связан с тюрками. Получилось так, что угры так и не смогли наладить с тюрками мирные отношения. Под угрозой уничтожения угорское население либо вернулось в северные леса, либо двинулось на Запад. В конечном итоге эти племена (угры, оуры, мадьяры, венгры) осели на берегах Дуная. А в исторических источниках и национальной памяти венгров остались скудные сведения о прошлом. О некогда существовавшей на

границе Европы и Азии Великой Венгрии, о дальних языковых родственниках, оставшихся жить в сибирских лесах.

Тюркское население, вытеснившее угров и осевшее на юге Сибири, через несколько столетий попало под удар Монгольской империи. В который раз кочевники шли на Запад! И в очередной раз жители лесостепи были вынуждены мигрировать на Север, чтобы не подчиниться захватчикам. Тюрки, спасаясь от нашествия, отчасти оттеснили угорское население на Север, отчасти ассимилировали его. Так появился этнос сибирских татар. Прямые потомки Чингисхана, создавшие к Востоку от Урала Синюю Орду, не слишком-то любили этих своих непокорных северных соседей. А уж худородных тюменских ханов, даже не чингизидов, они и вовсе считали откровенными узурпаторами.

Итак, с глубокой древности в геополитическом отношении северные территории выступали в качестве тыловой базы, своеобразным рокадным полем, местами рекреации и накопления сил. Одновременно это был необходимый плацдарм, на котором копились силы для будущего, для исторического реванша, для нового результативного рывка. Надо сказать, что данное положение с определенными вариациями сохранилось и в последующие времена. Уже средневековая Русь, не выдержавшая ордынского удара, начала движение на северо-восток. Очень много для восстановления государственной независимости нашей страны в XV в. дали именно северные, заволжские и приуральские пространства, близкие к территории Югры.

Затем началось Смутное время. В этих непростых условиях несомненной удачей для России стало начавшееся присоединение Сибири. Хронологически «сибирское взятие», пусть и не намного, но опередило Смуту. К востоку от Волги находились районы (Приуралье, Урал, Западная Сибирь), избежавшие ужасов гражданской войны начала XVII в. и иностранной интервенции. Они были надежным тылом для ополчения

Минина и Пожарского. Значение тыловой, трудно достигаемой базы север Сибири и Югра сохраняли и в дальнейшем. Известно, что Александр Первый, в ответ на угрозы Наполеона, грозился уехать в Тобольск, чтобы там, на Севере, вне досягаемости французских захватчиков, продолжать освободительную Отечественную войну 1812 г.

Сходная ситуация сложилась и после неудач в Первой мировой войне, когда в Пермь был эвакуирован Петроградский университет, а в Екатеринбург Академия Генерального штаба. Суровый Север всегда защищал слабейшую из сторон, но достаточно сильную духом, чтобы не капитулировать, и в годы Гражданской войны. Недаром в произведениях блестящего знатока традиционной культуры ханты Е.Д. Айпина присутствует доля исторического сожаления об ушедшем времени правления Белого царя [4, 114-118]. Писатель также задается вопросом: почему Николай Второй, свергнутый самодержец, хотя бы не попытался в Тобольске для спасения себя и своей семьи воспользоваться помощью коренных народов? [5, 140-149].

И в наши дни происходит нечто подобное. После распада Советского Союза современная Россия в её новых границах в очередной раз была отодвинута на северо-восток. Становление обновленной отечественной государственности на рубеже тысячелетий оказалось связано с усилиями провинциалов, в значительной мере выходцев с северных территорий (Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Д.А. Медведев). Югра, территориально близкая к географическому центру страны, геополитически выступает, наряду с Уралом, одним из важнейших узловых элементов формируемого российского пространства. Если продолжить вектор вековых столичных перемещений от Киева до Москвы и далее, на северо-восток, то его острие с необходимостью укажет на территорию Югры.

Разумеется, идентичность любой территории не сводима только к внешним влияниям. Для действенного субъекта не-

обходимы внутренние потенциальные возможности, реализация которых вовне и позволяет ему существовать среди соседей. Исторический опыт показывает, что Югра такими потенциями не только обладала, но и активно их использовала. Далеко не всегда, даже в древности, межэтнические контакты вели к военным действиям. Существовали и иные возможности для налаживания отношений. Так, например, богатый юг нуждался в предметах престижного потребления. Одним из таких предметов была пушнина. В прошлые времена количество её функций было больше, чем в наши дни. Пушнина служила своеобразной валютой (вспомним древнерусские или хорватские куны, «куницы») и даже санитарным средством. Пушной барьер преграждал путь завшивленности – паразиты соскальзывали с тонких волосков.

Спрос на дорожную престижную пушнину порождал неэквивалентный торговый обмен. Известно, что, двигаясь от мест добычи на севере до мест потребления на далеком юге, пушной товар вырастал в цене в десятки раз. На увеличение цены влияли опасности, угрожающие торговцам на долгом пути. Поэтому люди, занятые межрегиональной торговлей, нуждались в соответствующей инфраструктуре: охране, местах постоев, рынках, кредитах. И такая инфраструктура со временем возникла. С традиционной точки зрения (а она пока еще господствует в школьных и вузовских учебниках), наша отечественная история начинается со столиц и в значительной мере в них реализуется. Такими столицами стали на некоторое время Новгород, затем Киев и Москва. Однако кроме столичного мира есть еще мир Большой России за её пределами (его современный ироничный топоним «Замкадьё» высмеивает завышенные претензии Москвы). Исторические данные свидетельствуют, что на территории Восточной Европы городская жизнь сложилась много ранее образования Древнерусского государства и его столиц.

В дорусский период города-посредники располагались в Нижнем и Среднем Поволжье. К ним относятся город Итиль на территории Хазарского каганата, Биляр, Булгар, Сувар, Казань, Алабуга, Юлово на территории Волжской Булгарии [6, 19-21]. Заметим, что Хазарский каганат был обширной, долговременной, но до сих пор недостаточно изученной державой Восточной Европы. Каковы причины её возникновения, и на чем основывалась хозяйственная жизнь? Известный отечественный исследователь Древнего Востока И.М. Дьяконов обратил внимание на экономический смысл возникновения и существования обширных древних империй. По его мнению, «центрами образования империй стали не те области, которые и ранее были наиболее развиты, а те, которые были лучше стратегически расположены и имели доступ к путям, соединявшим регионы новых производств» [7, 47].

Они обеспечивали транзитную торговлю. Её направления располагались по линии восток – запад (одно из ответвлений Великого шелкового пути) и по линии север – юг. В последнем случае доминировала торговля пушниной. Пушнина, добытая на Севере, по обеим сторонам Уральского хребта, в Югре, обменивалась на ремесленные товары и предметы роскоши. Затем эта пушнина через посреднические города поступала на рынки богатых азиатских государств. Парадокс, но древняя Югра, еще лишенная полноценной городской жизни, в какой-то мере была гарантом существования локальных урбанизированных социумов в прилегающих к ней регионах (рис. 3).

То, что межрегиональная торговля требовала наличия городской сети на транзитных путях, подтверждается её регенерацией после военно-политических катаклизмов. Когда русский агрессивный князь Святослав в середине X в. уничтожил Хазарский каганат, то торговую эстафету перехватили города Волжской Булгарии. Сама Волжская Булгария пала под ударами войск Бату хана. Но и золотоордынским правителям

также пришлось создавать условия и для караванной торговли, и для ямской службы, и для строительства городов. «На местах установленных ханской властью постоянных дворов-ям и переправ на Великом шелковом пути и вокруг стихийно возникших постоянных дворов на пути Север-Юг стали расти населенные пункты, постепенно превращавшиеся из мелких в крупные. Особенно много их было в месте пересечения двух торговых путей: Север-Юг и Запад-Восток», – замечает известный исследователь Э.С. Кульпин [8, 142]. Для привлечения торговцев государством устанавливался режим наибольшего благоприятствования [8, 137]. Излишне напомнить, что мирная торговля объективно ведет к межэтнической и межконфессиональной терпимости, господству правовых отношений.

Неоднократное уничтожение и неоднократное воссоздание поволжских городов в историческом прошлом свидетельствуют как о необходимости их существования, так и об отсутствии здесь прочной базы для развитой городской жизни и государственного строительства. По сути, на Великом пушном пути и пути из далекой Югры к Каспийскому морю располагались моногорода с минимальными административными и посредническими функциями. У них отсутствовала жесткая сопротивляемость к внешним негативным воздействиям. И лишь последующее создание металлургической базы на Урале, начатое с XVIII в., отчасти видоизменило урбанизационные процессы.

На рубеже XVIII – XIX вв. соседство Югры с территориями, чье население было

Рис. 3. Торговые связи средневековой Югры

занято неземледельческим трудом, привело к появлению местных товарных рыбных промыслов. Суровый Север в очередной раз подключился к помощи в решении крупных геополитических проблем. Здесь уместны аналогии с современностью. Сегодня внутри и вокруг Ханты-Мансийского автономного округа, признанного нефтя-

ного сердца России, бурлит экономическая жизнь. Быстро растут и благоустраиваются города. Крупнейшие среди них, как и ранее, находятся южнее Югры – Екатеринбург, Тюмень, Омск, Челябинск.

Где же сосредоточены внешние истоки их благополучия? Среди прочих, к ним, конечно же, относятся доходы от нефти

и газа. Эти доходы «вытягивают» строительство дорог, нефти и газопроводов, поставки нефтегазового оборудования и товаров народного потребления далеко за пределами территории собственно Югры. Сегодня между территорией Югры и территорией Большой России постепенно формируется своеобразная буферная зона. В этой зоне расположены города и другие населенные пункты, специализирующиеся на посреднических услугах: от торговли до транспорта. В ней развивается производство продуктов питания для растущего северного населения. В ней, наконец, присутствуют базы для туризма, места отдыха и лечения.

Где сконцентрированы слабые места у городов, расположенных к югу от территории Югры? Как и ранее, в ущербном наборе их функций. Любая моноэкономика всегда максимально уязвима. Рецепты преодоления этого ненормального положения хорошо известны. Давно уже стали общим местом многочисленные проекты экономистов, направленные на диверсификацию экономики Югры, прилегающих территорий, России в целом. Чем больше будет многосторонних, разнонаправленных и взаимовыгодных экономических и культурных связей Югры с окружающими регионами, тем устойчивее будет сама российская государственность. Однако для успешной реализации таких проектов необходимы те денежные ресурсы, которыми могли бы самостоятельно распоряжаться региональные власти.

Выход России на сибирские просторы содействовал преодолению ее изоляционизма относительно внешнего мира. Речь идет не только о торговых операциях, хотя в середине XVII в. пушнина составляла едва ли не большую часть российского экспорта за границу. После 1453 г., когда была уничтожена Византийская империя, Россия осталась единственным православным государством на Земле. Именно тогда родилась концепция «Москва – Третий Рим». В народном сознании она перевоплотилась в образ «Святой Руси». Принадлежность к сакральной территории имела как положи-

тельные, так и отрицательные следствия. Возвеличивание исключительно собственной этнической и конфессиональной принадлежности всегда опасно. Требовалось изыскать способы, чтобы преодолеть изоляционистские начала.

Начало такого преодоления, по нашему мнению, было связано с продвижением России на Восток, конец – политика Петра Первого, направленная на Запад. В народном представлении земли к востоку от Руси были вне сакрального мира. Где-то там, за Камнем, по средневековым представлениям, были заключены мифические библейские народы Гог и Магог, там жили люди неизвестные и с нечеловеческим обликом. Встречи и тесные контакты с представителями другой культуры взаимно обогащали пришельцев и коренных жителей. Начал ломаться прежний образ Сибири, как страны дикой, нецивилизованной, не предназначенной для жизни подлинного христианина. Ломка этого образа благоприятно сказалась и на России в целом.

Большая Россия, осознав масштабы собственных территориальных приобретений, по-иному начала воспринимать геополитические реалии. Карты Сибири, составленные к началу XVIII в. С.У. Ремезовым, не могли не воздействовать на менталитет и идеологические представления высших управленческих слоев Московского государства. Выход в XVII – XVIII вв. на берега Тихого океана (со стороны Сибири и со стороны Северной Америки), основание там европейских колоний начали ломать миф о замкнутости и самодостаточности христианской цивилизации. Также весьма характерно, что в северных сибирских непахенных городах (Пельиме, Обдорске, Сургуте, Березове) не было такого всплеска эсхатологических настроений, которые несла культура старообрядцев. Служилые люди, в отличие от крестьян, были удалены от традиционной культуры, прагматично мыслили и жили по иным сценариям. Связано это было с их функциональными обязанностями, с вынужденными постоянными перемещениями с частой сменой мест проживания.

Миграции на обширные северные территории, равно как и миграции внутри этих территорий, оказывались не только одним из способов расширения обитаемого пространства. Они, хотя бы на время, позволяли уменьшить гнет государственных или идеологических структур, сохранить или заново обрести локальному социуму и индивиду относительную свободу. Далеко не случаен республиканский исторический опыт Господина Великого Новгорода. Его вольные землепроходцы первыми из русских соприкоснулись с Югрой, а в середине XIV в. в своих походах уже достигли р. Обь. Культурно близок к колониционному движению и опыт казачьего самоуправления, в том числе и на севере Сибири.

Нередко миграции позволяли сохранить прежний хозяйственный уклад, собственную культуру и этническую идентичность. По данным ряда исторических источников, с конца XIV в. коми начали переселяться на восток, вплоть до севера Сибири. Как считает Н.А. Повод, «миграционные процессы отдельных представителей коми были вызваны христианизацией Коми края Стефаном Пермским и учреждением в Усть-Выми Пермской епархии» [9, 32]. Как

известно, в миграциях участвовали также и манси, жившие к западу от Уральских гор. К XIX в. передвижение манси за Урал было в основном завершено [10, 126].

Во всех этих случаях горизонтальная мобильность на местности с низкой плотностью населения возмещала отсутствие вертикальной мобильности. Динамичный мир раскрывал для переселенца новые горизонты и содействовал качественному приращению культуры. Миграции дополнительно давали надежду на поправление материального положения. И в наши дни переезд на Север также означает возможность обретения относительной свободы: от провинциального застоя, безденежья и безнадёжности. Нижеприведенная таблица 1 свидетельствует, что геополитические и обменные отношения Югры с соседними регионами качественно менялись в прошлом, меняются сейчас и, скорее всего, будут меняться в будущем. При этом в соответствии с принципом дополнительности старые связи, уступая свой приоритет, не исчезают окончательно. Оказывается, что те возможности, которые даёт древняя и одновременно молодая Югра, не сводимы только к «нефтяным деньгам», как бы велики они не были.

Таблица 1. Историческая и геополитическая динамика связей Югры и соседних регионов.

Геополитическое направление	Географический регион и время его доминирования	Обменные операции из Югры («экспорт»)	Обменные операции: в Югру («импорт»)
юг	Южное Зауралье, Поволжье (III – XVI вв.)	Людские ресурсы, пушнина, другие сырьевые ресурсы	Ремесленные изделия, предметы престижного потребления, транспортные услуги
запад	Северо-Западная и Северо-Восточная Русь, Европейская Россия (XVI – середина XXI в.)	Пушнина, рыба, сырьевые ресурсы	Ремесленные и промышленные изделия, людские ресурсы, транспортные услуги
восток	Западная и Восточная Сибирь (со второй половины XXI в.)	Людские ресурсы, технологии, транспортные услуги	Сырьевые ресурсы
север	Ямал, акватория Северного Ледовитого Океана (со второй половины XXI в.)	Людские ресурсы, технологии, транспортные услуги	Сырьевые ресурсы

Нет сомнения, что влияние Югры на людей и обитаемое пространство много шире нефтяных и денежных вливаний. Сюда относятся: приобретение опыта нахождения в естественной природной среде, почти не деформированной вмешательством человека, и навыки бережного природопользования

в северной и субарктической зонах. Наконец, не стоит забывать и полезное знакомство с уникальной духовной и материальной культурой коренных народов Сибири, содействующее формированию межнациональной и межконфессиональной терпимости в российском обществе.

В статье использованы карты из книги:

Рянский Ф.Н., Середовских Б.А. Введение в историческую географию Среднего Приобья и его урало-сибирских окрестностей. Нижневартовск, 2007. 405 с. С. 120, 142, 156.

Литература

1. Соколова З.П., Туголуков В.А. Старые и новые названия народов Севера // Советская этнография. – 1983. – № 1. – С. 76-87.
2. Соколова З.П. Обско-угорский феномен (Север и Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов России 8-11 июня 1999 г. Тез. докл. М., 1999. С. 29-36.
3. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб., 1992. 272 с.
4. Айпин Е.Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург, 2002. 304 с.
5. Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург, 1998. 256 с.
6. Атлас истории Татарстана и татарского народа. М., 1999. 64 с.
7. Дьяконов И.М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М., 2010. 384 с.
8. Кульпин Э.С. Золотая Орда: феномен степной городской цивилизации // Цивилизации. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре Евразийского континента. М., 2004. С. 127-158.
9. Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск, 2006. 272 с.
10. Мурзина А.И. Манси (вогулы) в XVIII веке и в первой половине XIX века // Учен. зап. Лeningr. гос. ун-та. Сер. фак-та народов Севера. 1953. Вып. 2. № 157. С. 215-236.

References

1. Sokolova Z.P., Tugolukov V.A. Starye i novye nazvaniya narodov Severa // Sovetskaja jetnografija. 1983. №1. S. 76-87.
2. Sokolova Z.P. Obsko-ugorskij fenomen (Sever i Jug) // III Kongress jetnografov i antropologov Rossii 8-11 ijunja 1999 g. Tez. dokl. M., 1999. S. 29-36.
3. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii: Oчерki jetnicheskoj istorii. SPb., 1992. 272 s.
4. Ajpin E.D. U gasnushhego ochaga: Povest' v rasskazah o verovaniyah, obyčajah, obrjadah i predaniyah naroda hanty (ostjakov) Obskogo Severa. Ekaterinburg, 2002. 304 s.
5. Ajpin E.D. Bozh'ja Mater' v krvavyyh snegah. Ekaterinburg, 1998. 256 s.
6. Atlas istorii Tatarstana i tatarskogo naroda. M., 1999. 64 s.
7. D'jakonov I.M. Puti istorii: Ot drevnejshego cheloveka do nashih dnei. M., 2010. 384 s.
8. Kul'pin Je.S. Zolotaja Orda: fenomen stepnoj gorodskoj civilizacii // Civilizacii. Vyp. 6: Rossiya v civilizacionnoj strukture Evrazijskogo kontinenta. M., 2004. S. 127-158.
9. Povod N.A. Komi Severnogo Zaural'ja (XIX – pervaja chetvert' XX v.). Novosibirsk, 2006. 272 s.
10. Murzina A.I. Mansi (voguly) v XVIII veke i v pervoj polovine XIX veka // Uchen. Zap. Leningr. gos. un-ta. Ser. fak-ta narodov Severa. 1953. Vyp. 2. № 157. S. 215-236.